

Н.А. КУПИНА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

КРЕАТЕМЫ В РЕЧИ ДЕТЕЙ¹

Аннотация: В статье исследуется креативная речевая деятельность ребенка, вовлекающая его в процесс коллективного творчества. Особое внимание уделяется эстетической и коммуникативно-прагматической значимости детских языковых новаций, выделяются некоторые виды и функции креатем в детской речи.

Ключевые слова: креативная речевая деятельность, критерии креативности, языковое творчество

В коллективной монографии «Лингвистика креатива» [2009] была поставлена проблема, связанная с выделением науки о языковом творчестве. Авторами обсуждалась необходимость исследования креативной речевой деятельности как особого процесса и возможность исследования результатов, продуктов этой деятельности. Отмечалось, что «лингвистика креатива, выявляющая природу креативности, требует не столько анализа «продуктов» творчества, сколько обнаружения скрытых от наблюдения характеристик самого творческого процесса и определения основных параметров проявления творческих способностей» [Гридина 2009: 6].

Нельзя не согласиться с тем, что творческий процесс, как правило, скрыт от лингвистического наблюдения, однако в отдельных случаях мы можем его проследить. Приведем пример коллективного речевого творчества.

Во дворе играют дети: семилетняя Надя и ее ровесники – Вова, Ира, Маша. Надя прыгает, приговаривая нараспев: *Тра-ля-ля, тра-ля-ля, / Я живу на Крауля* (название улицы). Это двустигшие – простой текст, содержащий изобретенную девочкой нестандартную рифму. Ритмический рисунок текста координируется с прыжками. Девочка, как часто бывает, напевает «для себя», не рассчитывая на определенную реакцию детей.

Вова. *Это считалочка, да?*

Надя. *Нет, это как песенка весёлая.*

Вова. *А давайте считалочку сочиним.*

Ира. *Тра-ля-ля, тра-ля-ля / Мы живём на Крауля...*

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России (грант 2012-1.5-12-000-3004-002 «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

Вова. *А кто в доме не живёт...*

Маша (подхватывает). *Тот галить сейчас пойдёт!*

Надя – автор двустихия, выражающего эмоционально-эстетическое переживание гармонического соединения движения и речи, ощущение радости и удовольствия, которое доставляет игра удачно найденным созвучием. Ритм двустихия – неотъемлемый «атрибут организованного движения» (Н.В. Черемисина). В момент произнесения *песенки* Вова, Ира и Маша являются наблюдателями. Вова, обращаясь к Наде с вопросом, демонстрирует деятельностную включенность в коммуникацию. Он инициирует коллективное речевое творчество, предполагающее преобразование первичного текста в жанр считалочки. Все присутствующие откликаются на креативную инициативу. Ритмическая структура, заданная первичным текстом, сохраняется. Ира заменяет я-форму *мы*-формой, которая указывает на наличие коллективного субъекта творчества. Вова содержательно развивает текст, включая в него первую часть типичной для жанра считалочки синтаксической конструкции. Маша, завершая формульную конструкцию, подбирает точную глагольную рифму и отбирает жанрообразующее слово *галить*, которое указывает на возможность сиюминутного использования готового текста в традиционной детской игре. В процессе коммуникативного взаимодействия происходит мена ролей. Так, *Надя* – производитель креативно отмеченного текста «для себя» → адресат → адресант-интерпретатор изобретенного текста → адресат → соавтор вторичного текста; *Вова* – наблюдатель → адресат → адресант, запрашивающий информацию → адресат, получивший разъяснение → адресант, инициирующий коллективную деятельность, → адресат, оценивающий креативную деятельность; *Ира* (а также *Маша*) – наблюдатель → адресат → адресант, участвующий в креативной речевой деятельности → адресат, оценивающий креативную деятельность других соавторов вторичного текста. Мена ролей регулирует коммуникацию, способствует формированию **коллективного субъекта креативной деятельности**, в процессе которой происходит поступенчатое жанровое преобразование первичного текста, сопровождающееся функциональным приращением: эмоционально-эстетическая функция соединяется с прагматической. Открытое речевое взаимодействие дает возможность проследить процесс преобразования первичного текста, оказавшего эмоционально-эстетическое воздействие на воспринимающих, послужившего стимулом и основой продолжения креативной деятельности.

В первичном тексте обращает на себя внимание оригинальная находка: созвучие ради созвучия. Вряд ли девочка знает о том, кто такой Крауль, чьим именем названа улица. Звуковые повторы, наполненные ощущением радости момента, обладают для производителя речи собственно эстетической ценностью.

В тексте вторичном наблюдаем отбор языковых единиц, ориентированный на распределение ролей, характерных для игры в прятки: один *галит*; все другие прячутся. Можно сказать, что эстетическая функция рифмы *живет / пойдет* «находится на службе» у функции прагматической.

Надина *песенка* демонстрирует органичность существования «искусства для искусства» и соответствует такому «критерию креативности», как оригинальность. Ведущей в творческом процессе является эстетическая установка. Считалочка же соответствует другому «критерию креативности» – разнообразию идей [Богоявленская 2004: 7]: коллективно созданный текст можно напевать; в отличие от сочиненного Надей двустушия, он может быть использован как зачин игры в прятки, а также, при желании, как сопроводитель игры в ладошки. Ведущей для коллективного автора является прагматическая установка. Таким образом, самоценность эстетической установки (текст 1) следует отграничивать от ее использования в практических целях (текст 2).

Отталкиваясь от характера творческой интенции производителя речи, В.П. Григорьев выдвинул положение о креатеме как особой единице поэтического языка. Развивая идеи Ю.Н. Тынянова, Р. Якобсона, Л.П. Якубинского, он определил поэтический язык «как язык с установкой на эстетически значимое творчество, ограниченное хотя бы рамками одного только слова» [Григорьев 1979: 77-78]. Из определения следует, что пространство поэтического языка выходит за пределы художественной речи, во-первых, и неразрывно связано с наличием эстетического намерения автора речи, во-вторых.

Поэтический язык – это язык творца креатем, в то время как практический язык – это язык пользователя, автоматически употребляющего языковые стандарты. Следует ли из этого, что креатема является исключительно авторским изобретением? Думается, что это не так. Языковые средства, выбор которых отражает эстетические предпочтения автора, связанные с использованием креативного потенциала языка, также могут использоваться в функции креатем. Например, в лирическом шедевре А.С. Пушкина «Я Вас любил...» нет ни одного собственно авторского образования, однако каждая составляющая стихотворения употребляется в функции креатемы, а на основе взаимодействия креатем, их сплава формируется эстетическое обобщение.

Креатема – это стратегически отобранная, осознанно реализованная или преобразованная языковая единица, а также индивидуально-авторское новообразование. Обязательная эстетическая функция выделяет креатему как единицу поэтического языка (в широком понимании этого феномена). Из сказанного следует, что в процессе выявления и анализа креатем необходимо учитывать критерии преднамеренности – непреднамеренности; эстетической отмеченности – эстетической ней-

тральности.

Каждый из этих критериев в отдельном коммуникативном акте, в отдельном высказывании и тексте необходимо анализировать не только с учетом стратегий производителя речи, но и с позиций воспринимающего.

Новообразования в детской речи в большинстве случаев характеризуются непреднамеренностью, а их порождение осуществляется в проекции на систему языка, которая используется ребенком как «система возможностей» [Цейтлин 1988: 10]. И грамматические, и лексические новации – потенциализмы [Гридина 2009: 18; Цейтлин 2000], образованные по языковым моделям, свидетельствуют о коммуникативно-прагматических интенциях ребенка. Вряд ли пятилетний мальчик, который просит маму купить ему *подкорм* (попкорн), стремится к эстетическому эффекту. В то же время у взрослых, осознающих неправильность форм типа *склюл*, *захачивать*, *лысей* [Цейтлин 1988], лексических образований типа *режик* (ножик), *кофетёрка*, *годяйка*, *деревенцы* (крестьяне), *пышинки* (перышки), *погитарить* [Харченко 2005], восприятие подобных аномалий сопровождается не только ортологической (– *Надо говорить склевал, а не склюл*), но и собственно эстетической реакцией. Непреднамеренные детские языковые новации в восприятии обретают свойственную креативам эстетическую значимость. Эстетический отклик, сопровождающийся у взрослых эмоциями удивления, умиления, свидетельствует о том, что установка производителя речи не всегда совпадает с программой ее восприятия.

Материалы, систематизированные В.К. Харченко [2005], позволяют зафиксировать наличие эстетической составляющей, сопровождающей «вчувствование» (М.М. Бахтин) ребенка в осваиваемую внеязыковую ситуацию. Детские высказывания нередко содержат прилагательное *красивый* и одновременно – формы побуждения адресата к эмоционально-эстетической реакции. Очевидна **эстетическая интенция** автора, которая органически сочетается с **коммуникативно-прагматической**. Например: – *Знаешь, у меня кукла есть – такая красивая, круглобровая; Послушай, музыка какая красивая, только разлучная; Давай посмотрим, подойдем тихо: бабочка красивая с бабятками своими*. В речи детей от двух до пяти встречаем креативы-тропы, прежде всего, сравнения, сконструированные на основе нестандартных образных аналогий, чаще всего включающих параллель «человек – животное». Вот лишь некоторые примеры, извлеченные из «Словаря современного детского языка» В.К. Харченко: *Мама, ты такая красивая, как корова; Я ей (сестре) сказала, что она как медведица ленивая; У него такие туфли...идет по коридору, стучит, как конь подкованный*. Если субъектом сравнения является животное, в качестве объекта ребенком выбираются реалии вещного мира и мира

растений: *У Джона* (о щенке) *язык мягкий, как тряпочка, а зуб маленький, как рис*; *У него* (пуделя) *нос, как пушок у одуванчика*. Сравнения, построенные на предметных аналогиях, достоверно изображают сиюминутные личные ощущения: *Я не люблю, чтобы у меня под шеей был как кулак* (об узлом завязанном шарфе). Во всех случаях индивидуальное сравнение может быть отнесено к **образным креатемам**.

Еще одна разновидность образных креатем – изобретенная **метафора**, возникающая в процессе непосредственного наблюдения: *У тёти листик телепается* (погончик на пальто); *У тёти платок с волосиками* (о бахrome); *Какой мячик* (о луне) *на небе!* Частотны в детской речи **олицетворения**: *Ой, страшно! Травка кусается*; *Целое стадо грузовиков ревет*; *Слышишь, речка разговаривает*. В картине мира ребенка естественно сближаются животное и человек: *Лицо у Маши / у мышки / у курицы*. Ср.: *Гадюка собаку в лицо укусила*; *Шарик плачет: он по Маше скучает*. Сближаются ролевые функции человека и животного: *Бабушка, поговори с Поночкой* (кошкой), *помурлычь ей как бабушка кошачья*. Постоянно вербализируются образные аналогии типа *я и собака, я и птица, я и рыба*. Например: *Если бы я был рыбой, ни за что не стал бы крючок глотать*. Креатемы в приведенных примерах можно охарактеризовать как результат вербально-образной рефлексии. Словом, как кистью, ребенок рисует с натуры, воспроизводит мир на основе чувственных ощущений и представлений.

Используемые для иллюстраций материалы словаря, составленного В.К. Харченко, позволяют сделать вывод о том, что эстетически направленная креативная речевая деятельность ребенка связана с **рождением текстов малых жанров**. В словаре приводятся придуманные детьми загадки. Вот, например, загадки, построенные на осознанном нестандартном употреблении тропа: *Зеркало, зеркало, водяное зеркало, кто-то подойдёт, сразу поплывёт* (речка); *Летят неслышно белые кружки, и вода превращается в лёд* (зима). В первой загадке зрительный образ передается с помощью развернутой метафоры и поддерживается простой рифмой; во второй – образ, в основе которого лежит перенос по форме (*кружки*), уточняется акустической (*неслышно*) и колористической (*белые*) характеристиками. Следующая загадка построена на сочетании развернутой метафоры и намеренном нанизывании паронимов: *Фотокарточка без фотоаппарата фотографируется* (зеркало). В соответствии с коммуникативно-эстетической интенцией используются приемы, основанные на разработке образных креатем, а также прием паронимазии. Производство подобных текстов требует **самостоятельного решения конкретной творческой задачи**.

В процессе креативной деятельности ребенок отбирает, преобразовывает и изобретает средства, способствующие созданию образно-эстетического впечатления. Именно в текстах, отмеченных печатью

речевой индивидуальности, обнаруживается эстетическая природа поэтического языка и природы креатемы – продукта эстетически стимулированной речевой деятельности. Анализ разновидностей креатем и их функций – одна из задач креативной стилистики.

ЛИТЕРАТУРА

Богоявленская Д.Б. Проблемы диагностики креативности // Психологическая диагностика. – 2004. – № 3.

Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2009.

Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2009.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: В 2 т. – М., 2005.

Цейтлин С.Н. Окказиональные грамматические формы в детской речи. – Л., 1988.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. – СПб., 2000.

© Купина Н.А., 2012

